

ли приспособиться к сибирским условиям и становились источником наемного труда для сельского хозяйства, развивающейся промышленности, торговли, транспорта, строительства. К ним добавились те, кто изначально не собирался хозяйничать на земле. Так, данные аппарата водворения показывают меньшее число желающих получить земельный участок, чем число прошедших через Челябинск переселенцев.

Рост численности неземледельческого населения способствовал становлению рынка для сельскохозяйственного производства. Повышение спроса на продовольствие и, прежде всего, на хлеб приводило к расширению посевных площадей. Если взять размер посевных площадей, обрабатываемых в Акмолинской, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях в 1901–1905 гг. за 100%, то в 1906–1910 гг. обрабатывалось уже 122,9, а в 1913 г. – 194,1%. За 13 лет хлебное поле возросло почти вдвое, а под пшеницей – в 2,5 раза. За этот же период по тем же районам рост валового сбора зерна составлял соответственно 129,1 и 193%, а пшеницы – 139 и 231,3%.

Сибирский хлеб в основном потреблялся в собственном регионе, так как его поток в европейскую часть России сдерживался Челябинским тарифным переломом: дешевая сибирская пшеница создала много проблем на рынке Европейской России. Помещики, владевшие большими хозяйствами, продолжали вести производство, не заботясь о его эффективности. Появление сибирской пшеницы ввергло их в панику. На их стороне был влиятельный сенатор Хвостов, требовавший не допускать сибирский хлеб в Европу. Но у сибирской пшеницы были и могущественные сторонники, в том числе такие промышленники и финансисты, как Стахеев и Путилов. Видя, что император начинает прислушиваться к противникам, А. В. Кривошеин заявил, что сибирский хлеб не составляет конкуренции российским помещикам. Он резко осудил политику противников сибирского земледелия: нельзя задерживать сибирскую торговлю, если бы она даже угрожала конкуренцией, так как Сибирь – неотъемлемая часть Российского государства. Он присое-